

Кирилл Серебренников

ФЕСТИВАЛЬ «ЗОЛОТАЯ МАСКА»
В ПЕТЕРБУРГЕ ОТКРЫВАЮТ МХАТОВСКИЕ
(«ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ» (ПОДРОБНЕЕ О НЕМ —)
НА СТРАНИЦЕ 27) — ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ
СПЕКТАКЛЕЙ КИРИЛЛА СЕРЕБРЕННИКОВА

ровская, Тенякова). Раблезианец, он берет количеством постановок, находок, идей, театральной плоти, которой он вываливает столько, сколько и самая голодная публика не способна переварить. Его спектакли порой страдают избыточностью, но должен же кто-то быть Фальстафом в эпоху всеобщей анорексии.

Спектакли Серебренникова — средоточие московского театра, без его премьер и сезон не сезон. Он свободно чувствует себя в кино, опере, на телевидении, преподает и тащит общественную нагрузку. Уважает мультидисциплинарность и мобильность, чувствует дух времени. Этот дух явно не велит засиживаться на одном месте, протеизм вообще кажется ключевым свойством режиссера, а его желание работать с чистого листа обезоруживает: Серебренникова невозможно идентифицировать, взять голыми руками, он неуловим, он всегда другой. Заметнее всего это на примере «Юрьева дня», фильма-перевертыша, который можно прочесть и как апологию почвенничества, и как издевательство над ним.

Общие свойства его театра легко обнаружить в каждом из условных этапов московской карьеры. Уже в ранних спектаклях по современной драматургии («Открытые полароидные снимки», «Пластилин», «Терроризм», 2001–2004) Серебренников уникально переводит текст в автономную реальность — жестко организованную и состоящую из сильных жестов,

глянцевито-буржуазную и одновременно жгуче социальную. Проникнув в МХТ, за пазуху русскому театру, он возвращает туда славу первой российской сцены. Классической русской трехходовкой («Мещане», «Лес», «Головлевы», 2004–2005) доказывает, что Горький, Островский, Салтыков-Щедрин в умелых руках шокируют даже эффективнее, чем Равенхилл, Сигарев или братья Пресняковы.

Уйдя в открытое плавание от Кононова до Макдонаха (2005–2007), режиссер улизнул в кино, а вернувшись на сцену, выпустил в нынешнем году два спектакля («Киж» и «Трехгрошовую оперу»), которые выглядят обновленчески даже на фоне его собственного разносития прошлых лет. Куда режиссер будет двигаться дальше — как всегда, непонятно. Эта непредсказуемость радует больше всего. Хотя возможно, что никуда он и не придет: его волнует сам поиск сценического языка, приема, игра с театром. Мало кто нынче в России ищет с таким неистовством. Наконец-то первый парень на этой деревне — формалист.

Дмитрий Ренанский

ЗА ВОСЕМЬ ЛЕТ не имеющий театрального образования дилетант с провинциальным ростовским прошлым выпустил на столичной сцене восемнадцать спектаклей, из них восемь в МХТ. Он доказал, что отечественная режиссура может хорошо продаваться, оставаясь авторским интеллектуальным искусством. Дал лучшие роли ведущим актерам своего поколения (Меньшиков, Миронов, Хаматова) и преобразил народных (Неелова, Пок-